

народной речи. Представляется, что мы имеем дело с неким аналогом дихотомии *диалект — говор*. Мегатекст призван определить специфику использования вербальных средств на региональном уровне, локальные же различия выявляются при анализе субмегатекста — совокупности текстов, принадлежащих части описываемой территории.

А. Л. Пустьяков

Хельсинкский университет, Хельсинки (Финляндия)
esmenek@gmail.com

К вопросу о пермских топонимах в Ветлужско-Вятском междуречье

Доклад посвящен исследованию пермской топонимии на территории Ветлужско-Вятского междуречья. Основной акцент в докладе делается на изучении топонимии территории, населенной в недалеком прошлом и в настоящее время марийцами. В сопоставительном плане привлекаются также материалы сопредельных регионов.

Несмотря на то, что проблема пермского субстрата исследователями уже неоднократно освещалась, решалась она все же на примере единичных и разрозненных фактов. Проведенные за последние годы исследования топонимистов [см.: Смирнов, 2013; 2014], в том числе и наши [см.: Пустьяков, 2014], позволяют утверждать, что часть предложенных ранее пермских этимологий и основанные на них выводы этногенетического порядка нельзя признать успешными. Разбор имеющейся литературы по изучению пермской топонимии Ветлужско-Вятского междуречья и анализ топонимических данных этого ареала требует постановки ряда вопросов.

1. Какова ареальная дистрибуция топонимов, возводимых к пермским языковым источникам?
2. Каковы особенности выделяемых топонимических ареалов?
3. Как в свете топонимии Ветлужско-Вятского междуречья решается вопрос об общепермской топонимии? Имеется ли в регионе общепермская топонимия, или есть только удмуртская?

Основным методическим приемом является составление перечня лексем, возможных в субстратной топонимии, и дальнейший их поиск в топонимии с учетом исторических фонетических изменений (также субституции) с опорой на выявленные надежные этимологии. Анализ субстратных названий проводится с учетом типологических особенностей марийской, коми и удмуртской топонимии. В исследовании, в принципе, применяются те же приемы, что и в работе О. В. Смирнова [2014], но с некоторыми дополнениями. Кроме этого, учитываются материалы полевой экспедиции в Уржумский и Кильмезский районы. Полевые работы, в дополнение к сбору топонимического и антропонимического материала, позволили сделать наблюдения над фонетическими и лексическими особенностями малмыжского и уржумского говоров марийского языка.

Исследование топонимических данных сделало возможным выделить ареал поздней удмуртской топонимии на юге Мари-Турекского района и далее в приграничных районах Кировской области и Республики Татарстан: удмуртское название д. Большой Карлыган — *Заны* < удм. *зон* ‘гарь, выгоревшее или выжженное место в лесу’; д. *Ули-сьял* (удм. *Чарагурт*, ср. удм. *гурт* ‘деревня’) < удм. *улысь* ‘нижний’; рч. *Ондрешка нюк* < *Ондрешка* (антропоним) и удм. *нюк* ‘лог, овраг’; д. Андрюшкино — удм. *Кос нюк* < удм. *кӧс* ‘сухой’; ур. *Чож лап* < удм. *ӹӹж* ‘утка’ + мар. *лап* ‘низина’ и др.

Выделяется также второй ареал топонимов, формально соотносимых с удмуртскими языковыми данными. Территория распространения этих топонимов в целом совпадает с ареалом этнотопонимов с основой *одо-* ‘удмурт; удмуртский’ на северо-востоке Марий Эл, в сопредельных районах Кировской области, а также в левобережье Вятки в Нолинском, Немском и Уржумском районах. Наиболее регулярными свидетельствами удмуртской топонимии в этом ареале выступают тополексемы *вай*, *шур* и др.: р. *Водовойка*, *Паровойка*, *Чумовая* < удм. *вай* ‘ветвь, приток’; р. *Шишурка*, *Шуранка* < удм. *шур* ‘река’; р. *Сиг*, *Сик* < удм. *сик*, *сиг* ‘подлесок, лес’ и др.

Пустьяков А. Л. К проблеме разграничения марийских и пермских топонимов в Ветлужско-Вятском междуречье // *Вопр. ономастики.* 2014. № 2 (17). С. 7–34.

Смирнов О. В. К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения реки Вятки (в свете этнической интерпретации археологических культур). 1 // *Вопр. ономастики.* 2013. № 2 (15). С. 7–59.

Смирнов О. В. К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения реки Вятки (в свете этнической интерпретации археологических культур). 2 // *Вопр. ономастики*. 2014. № 1 (16). С. 7–33.

Р. В. Разумов

Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль
rvrazumov@list.ru

Типология систем урбанонимов Российской Федерации

В течение последних десятилетий в нашей стране было опубликовано множество исследований, посвященных урбанонимическим системам населенных пунктов Российской Федерации, однако большинство из них констатировало уже неоднократно отмеченные особенности. В то же время сделанные ранее частные наблюдения позволяют перейти к выявлению системных связей этого разряда онимов, закономерностей формирования и типологии городских онимических систем. Очевидно, что в несходных по статусу населенных пунктах проявляются различные закономерности построения систем городских названий.

Можно выделить несколько регулярных оппозиций, в которые вступают типы урбанонимических систем, функционирующие на территории Российской Федерации.

Во-первых, существует оппозиция моделей «столичный город — провинциальный город». В системе урбанонимов столичного города возникают онимические модели, используемые затем в провинциальных городах. Например, в топонимии Санкт-Петербурга впервые в нашей стране фиксируются как сами урбанонимы-посвящения (*Пушкинская улица*, 22.02.1882), так и генитивная модель, при помощи которой создавались подобные онимы (*улица Глинки*, 20.11.1892; *улица Жуковского*, 10.07.1902). Первые послереволюционные переименования городских объектов в провинциальных городах копировали аналогичные преобразования, произведенные в Санкт-Петербурге в 1918–1919 гг.

Другая важная особенность столичной урбанонимической системы — наличие в ней названий-посвящений, появление которых